

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 1 - 2015 январь – март <http://mir-nauki.com/issue-1-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf>

УДК 101.1:316

Вершилов Сергей Анатольевич

Военного учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия»

Филиал в г. Краснодар

Россия, Краснодар

Доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов

Кандидат философских наук, доцент

E-mail: vershil@mail.ru

Сущность и значение военной безопасности в бытии государства сквозь призму социально- философского анализа

Аннотация. Продолжающаяся череда войн и вооружённых конфликтов повышает значимость исследований военной безопасности. Однако в научной литературе пока ещё нет конвенционального подхода к заявленной в статье проблеме. В этой связи становятся актуальными конкретизация понятия «военная безопасность», выявление её сущности и афиширование значения в бытии государства на основе социально-философского анализа. Автор полагает, что его попытка в интерпретации указанного поможет приоткрыть «завесу» по столь волнующему вопросу. Материал статьи расширяет знания о методологическом контексте военной безопасности как социальном явления.

Ключевые слова: военная безопасность; война; вооружённый конфликт; национальная безопасность; опасность; состояние; социально-философский анализ; субъект; сущность; угроза.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Вершилов С.А. Сущность и значение военной безопасности в бытии государства сквозь призму социально-философского анализа // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №1 <http://mir-nauki.com/PDF/23FILSMN115.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Содержание предлагаемой статьи, по мнению её автора, может придать углубленную совершенность понятию «военная безопасность». Значительная толика трудов исследователей по военной безопасности раскрывает либо совокупность приёмов и подходов её обеспечения, либо важные проблемные стороны. К сожалению, вне их пристального внимания осталось важное обстоятельство, связанное с фиксацией самого понятия «военная безопасность» на основе анализа имеющихся признаков данного феномена. Доказательством может явиться труд Вал.В. Чебана «Геополитическое положение и военная безопасность России» [21]. Само название работы наталкивает на мысль о том, что ключевыми категориями в ней выступают «геополитическое положение» и «военная безопасность». И если разъяснение первой из них представлено в начале изыскания, то второе определение – отсутствует, хотя его характеристике посвящено достаточное количество страниц текста работы.

Объёмные исследования Д.И. Макаренко, Е.Ю. Хрусталёва, К.В. Фатеева также закрепляют интересующий вопрос в качестве невыясненного. Первые два автора, ссылаясь на «неизвестных» мыслителей, освещают чью-то позицию, которая заключается в следующем: «Военная безопасность – это состояние международных отношений и военной организации государства, при котором обеспечивается его надёжная защищённость от военного нападения» [14, с. 9]. Третий – К.В. Фатеев – рассматривает военную безопасность в качестве одного из важнейших социально-правовых явлений, представляющих собой комплексный юридический институт со специфическим содержанием и структурой [20, с. 27]. Данные определения не позволяют согласиться с ними в полной мере, поскольку при такой трактовке сужается круг субъектов, участвующих в решении проблем военной безопасности, а её организация концентрируется в одних руках – государства. Тем самым, с одной стороны, умалется роль социума в обеспечении и организации военной безопасности, а с другой – следование указанному на практике приводит к недооценке внутренних опасностей.

Кроме того, в соответствии с временными интенциями межгосударственных отношений, не следует полностью отрицать перспективу, при которой будет сведена к минимуму значительная совокупность военных угроз и рисков. Присущие же обозримым горизонтам опасности свидетельствуют лишь о том, что невозможно зафиксировать безусловный уровень военной безопасности, в то время как её другие качественные состояния развития вполне достижимы. По-видимому Д.И. Макаренко, Е.Ю. Хрусталёв и К.В. Фатеев подразумевали именно абсолютную военную безопасность, не предусматривая при этом её иные степени протекания, более совершенные и необходимые.

Подобное обстоятельство просматривается и в других научных позициях исследователей: например, военная безопасность афишируется по отношению к объекту, не затрагивая понятийного пространства [22, с. 258-259]. В Стратегии национальной безопасности РФ формулируется понятие «национальная безопасность» как «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹. Но, очевидно, данное определение не сходно с категорией «военная безопасность», актуализированной в современной Военной доктрине Российской Федерации в качестве «состояния защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанного с

¹ СТРАТЕГИЯ национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009. № 537 // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 287-299. Ст. 6.

применением военной силы или угрозой её применения, характеризуемого отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»².

В продемонстрированных определениях военной безопасности присутствуют понятия «опасность» и «угроза». Важно подчеркнуть их специфику. Именно они воспроизводят сравнительную величину, характеризующую напряжённость ситуации во взаимодействии субъектов и допустимость причинения какого-либо урона посредством насильственных действий. Военная опасность и угроза непрерывно скреплены и детерминированы имеющимся у субъектов вооружения и военной техники, а также способностями и стремлением последних к их использованию. Поскольку феномен, указанный первым, немыслим без наличия вооружённого насилия, постольку второй не может быть актуализирован при отсутствии намерений у субъекта его применения.

Нельзя не отметить, что подоплёки опасностей для военной безопасности возникают не только вследствие насилия, поэтому они могут быть подвержены и подвергаются систематике. В подходе к её рассмотрению В.С. Волошко выделил объективные причины: а) материальные (естественные и технические); б) социально-практические (динамические – поведенческие и статические, например, совокупность отношений, укоренившихся в локальном государстве) [6, с. 185]. В свою очередь, М.М. Кучерявый зафиксировал субъективные источники военной безопасности: а) ценностные – экономические, политические, этнические, психологические, этические, социальные и т.д.; б) обыденноценностные – по тем же самым критериям; в) противоречащие логике – тревожность, обеспокоенность, паника, страх, ужас и т.п. [12, с. 144].

Правомерно утверждать, что и те и другие могут актуализироваться как в порядке объекта, так и субъекта, проявиться в качестве упорядоченных или хаотичных состояний. Следовательно, военная опасность есть возможная угроза. Последняя, кстати, выступает одной из форм первой и подразумевает вполне определённую идеологию конкретных субъектов. В таком контексте она афиширует не только насильственные действия относительно должного бытия отдельного государства, его пространства и автономности, но и, что особенно вызывает тревогу – стремление к дезинтеграции проникнутой единством нации. В этой связи важно своевременно распознавать возникающую угрозу и предпринимать адекватные меры по её нейтрализации.

В зарубежной науке осознание вопросов военной безопасности в качестве субстанциональной направленности приняло оборот автономной области анализа – «стратегических исследований» («strategic studies»). Дж. Снайдер, П. Катценштейн, Т. Шеллинг конституировали свои позиции по отношению к таким проблемам как «стратегическая культура», «стратегия конфликта» и «стратегическое мышление». Так, категория «стратегическая культура» была представлена Дж. Снайдером в одном из своих научных сообщений как «совокупность <...> принятых стандартов поведения, которые разделяют члены национального стратегического сообщества» [15]. Вне всякого сомнения, разработка американского исследователя произведена в контексте национальных интересов США. Вместе с тем следует признать, что, отчасти, он рассмотрел необходимую репрезентативную – поведенческую, деятельностную и идеологическую – практику субъектов государства по некоторым сущностным вопросам обеспечения военной безопасности.

Т. Шеллинг предпринял попытку по выработке императива деятельности в военных конфликтах и международных отношениях. По убеждению учёного, «как правило, надо угрожать тем, что действие будет исполнено, а не тем, что оно может быть исполнено. Сказать,

² Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ. Ст. 8, п. «а» // Российская газета. 30 декабря 2014. № 298.

что оно может быть исполнено – всё равно, что сказать – оно может быть и не исполнено» [23, с. 233]. Затем П. Катценштейн объявил о том, что «стратегическое мышление» как символический комплекс может политически материализоваться <...> при столкновении с другими культурами – нормативами, идеологиями и ценностями их носителей [5]. Очевидным предназначением демонстрации указанных выше позиций выступила потребность в установлении воздействия исторического опыта и культурных ценностей на мыслительное совершенствование национальных стратегий военной безопасности государственными элитами.

Попытки американских исследователей были уточнены в трудах российских учёных И. Ю. Жинкиной и М. И. Рыхтика. Первая дала логическую характеристику понятию «стратегическое мышление», объявив объектом его познания общенациональный опыт реализации стратегических целей страны вовне [8, с. 79]. Несколько позже М.И. Рыхтик представил своё видение термина «стратегическая культура» в качестве «сложной развивающейся структуры, объединяющей систему ценностей, стереотипы, мифы, знания, интуицию тех, кто участвует в процессе решения проблем национальной безопасности» [19, с. 94]. Следует заметить, что понятие «военная безопасность» обладает более разносторонним качеством, не укореняясь в границах политологического рассмотрения процессов разработки и принятия решений по интересующим вопросам, но и не пренебрегая ими как одной из позиций.

Такой подход также преломляется и при ознакомлении с толковыми словарями других (иностраных) локальных пределов. Так, в словаре Лярусса (Франция) «военная безопасность» (франц. «*securite militaire*») рассматривается в качестве «доверия, душевного спокойствия, проистекающего из мысли о том, что нет военной угрозы, которой следовало бы опасаться личности»³. Чаще всего повторяющийся смысл английского «*military safety*» – в соответствии с Новым Оксфордским словарём – есть «состояние или ощущение отсутствия военной опасности для социума»⁴. Словом, значительная характеристика представленных определений и происхождения слов в английской и французской интерпретациях заключается в следующем: «военная безопасность» соизмеряется в них с восприятиями, присущими конкретному субъекту – индивиду, группе индивидов или цивилизации. Подытоживая отмеченное, важно подчеркнуть, что различающиеся значения в закреплении рассматриваемого термина порождаются парадигмами, в которых данное понятие существует в языкознании множества локальных социумов.

Однако следует возвратиться на короткое время к интерпретации понятия «военная безопасность» российскими учёными-лингвистами. Этимологически интересующая автора дефиниция составлена по стандарту антинимии посредством прибавления к подлежащему приставки «без»: «военная опасность – военная безопасность», и является негативистской структурой совокупности двух слов. Такой подход логически оправдывает определение военной безопасности как «состояния <...> и / или защищённости от <...> военных угроз». Но для установления значения рассматриваемого термина элементарное оппонирование одного другому не покрывает необходимой в этом потребности, поскольку существенным является определённый контекст его позитивного образа.

Реализация указанного позволит осознать, что в ряде словарей пара дефиниций «военная опасность – военная безопасность» предстаёт неоднокоренными словами. Она имеет неодинаковый смысловой оттенок, а, согласно Ю.В. Зориной, – «разнородные англоязычные терминологические единицы» [9, с. 67]. В такой ипостаси первая её часть выступает

³ Petit Larousse illustre: Dictionnaire Encyclopedique pour tous. Paris: Librairie Larousse, 1981. P. 920.

⁴ The Concise Oxford Dictionary: The New Edition for the 1990s. N. Y.: Oxford University Press, 1990. P. 1093.

неоднозначным «отвержением» второй. Так, в английской интерпретации «military hazards / military safety» необходимое количество лексем даёт право представлять военную безопасность в качестве созидательного начала, связанного с упоминавшимся состоянием «спокойствия, проистекающего из того, что нет военной угрозы, которой следовало бы опасаться» социуму. В данном случае речь идёт о *состоянии репрезентативной практики социума в контексте его деятельности, мышления и поведения по интересующему вопросу*. Это важно зафиксировать первым существенным признаком военной безопасности.

Подобное обстоятельство, представленное в ряде зарубежных словарных единиц языка, неоднократно становилось комфортным, а затем и доминирующим для многих репрезентативных практик, утверждавших такое «ощущение спокойствия» как совместно извлекаемое благополучие. Примечательно, что политический контекст военной безопасности, ставший всеобъемлющим в эпоху глобализации, когда-то оказался «сконструированным» как раз в социокультурном пространстве Западной Европы. По мнению З. Бжезинского, «логические акценты в толковании военной безопасности, появившиеся в XVII в. в западноевропейском сознании, видоизменялись со временем, хотя постоянное восприятие её смысла интерпретировалось политическим состоянием, формализующим уровень деятельности, сознания и поведения нации» [24, p. 49].

Идейный лексикон военной безопасности, сформированный зарубежной культурой, избыточно позиционируется в период установления нового миропорядка. Это важно принимать в расчёт при рассмотрении факта указанного словоприменения в качестве доли целого – культуры человечества. Актуально иметь ввиду и следующее: многие государства (как, впрочем, и Россия) впервые почерпнули (-ла) политический запас слов о военной безопасности как раз по зарубежным лекалам.

Так как иноязычная система вербального выражения мысли по интересующему вопросу оказалась впитанной из западного социокультурного пространства, адекватного с неё «снятия» отечественными исследователями анализируемого явления практически не произошло. С одной стороны, это нередко объяснялось недостатками в формулировании аккуратного словарного эквивалента, а с другой – особенностями культурных процессов, способствовавших адаптации России к эволюционирующей военно-политической обстановке. По-видимому «отрицательное устроение» понятия «военная безопасность» в полной мере удовлетворяло потребности прежней жизни россиян. Однако в эпоху глобализации, когда рассудочное восприятие рассматриваемой дефиниции приняло вид существенной движущей силы в реализации военной политики, такое «построение» стало «отдалять» искони свойственные ей интерпретации, вобрав в себя только легитимирующее предназначение дискурсивного познания.

Случаи к отражению первого сущностного признака военной безопасности ещё не раз представятся на страницах статьи. Пока же, в момент утверждения основ её анализа, необходимо высказать мнение об уже доказанном «событии»: понятие «военная безопасность» в различных социокультурных пластах – особенно лингвистических, как их части – обнаруживает определённый контекст смысловых оттенков. Данное утверждение оговаривает несовпадающие позиции в разумении исследуемой дефиниции, что значительно влияет на её содержательную логику в теоретической подоплёке, дискурсивном познании и репрезентативных практиках субъектов локального государства.

В этой связи важно признать методологически грамотным указание С.С. Антюшина на то, что «военная безопасность, не являясь абсолютной гарантией защиты личности, общества и государства от проявлений агрессии, вместе с тем позитивно способствует их существованию и развитию» [2, с. 74]. Однако актуализируется потребность в значимых уточнениях. Во-первых, не просто «позитивно способствует существованию и развитию личности, общества и

государства», а существованию и развитию их деятельности, мышления и поведения в специфической сфере. Во-вторых, военная безопасность также положительно влияет на эффективное функционирование своеобразной репрезентативной практики социума по сбережению причинённого объекта.

Необходимо заметить, что сведущее осмысление научных взглядов на военную безопасность стало активно проявляться с начала XX-го столетия. Вместе с тем социально-философская интерпретация по данному вопросу утвердилась лишь малой толикой. В этой связи важно «движение» к воспроизводству указанной рефлексии, которая проявляется неочевидно – в зеркале диахронной эволюции военной безопасности. По-видимому рассмотрение прошлого обнажит, как минимум, две стороны предмета исследования.

Первая. То или иное доминирующее смысловое значение исторической эволюции военной безопасности западноевропейских государств и её российского аналога не единожды подвергалось реконструированию. *Вторая сторона.* В периоды существования цивилизации (в том числе и российской) ни одна из «обнаруженных» репрезентативных практик полномочных носителей власти не оказалась утраченной, став, своего рода, «скрепой» военной безопасности. Становится очевидным, что для последней характерно *сбережение качественной специфики объекта в пределах его прочного существования, динамического развития и плодотворного функционирования.* Это важно афишировать следующим значимым признаком предмета анализа.

Налицо также отсутствие определения «военная безопасность» в философских энциклопедиях, поскольку оно углубленно не разрабатывалось в истории отечественной философской рефлексии. Вместе с тем сама проблематика военной безопасности постоянно в ней ощущалась. Достаточно часто она находила своё выражение в контексте толкования разряда понятий: гарантия, доверие, защита, обороноспособность, опасность, риск, угроза, вызов и т.п.

Регистрированное в Кратком словаре военно-стратегических терминов разъяснение, которое приходится зафиксировать, опять же вмещается в восприятие понятия «военная безопасность» как «состояния гарантированной защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних военных угроз» [11]. Основопологающим, равно как и принимаемым, в данном случае является то, что военная безопасность представляется как положение, устанавливаемое объективно, правда, с доминированием узаконенного насилия над невоенными средствами. Указанное из словаря Военной академии ГШ ВС РФ отражает общее – но приблизительное – восприятие сути предмета исследования. Автор в принципе положительно оценивает подобный подход, но с оговоркой, которой, в первую очередь, устанавливается применение мирных средств для достижения причинённой цели, а не «состояние защищённости интересов государства». Заявление о «состоянии защищённости» необходимо пояснить.

Сочетание обстоятельств, в которых пребывает объект военной безопасности, подразумевает проведение их константного мониторинга, поскольку они находятся в непрерывной эволюции и движении. Это предполагает не только управление ими, но и укоренение в надлежащем положении. Как раз поддержание оптимальных обстоятельств функционирования государства как сложной социальной системы, которые находятся в зависимости от его целостности, очевидно, выступает военной безопасностью.

Подчёркнутое в предыдущем абзаце подвигает к выводу о том, что предмет анализа не является состоянием защищённости интересов и ценностей кого-либо. Военная безопасность, прежде всего, предопределена обстоятельствами бытия объекта, которые способствуют сбережению его целостности, устойчивого развития и эффективного функционирования на

базе плодотворного управления ими со стороны субъекта. Военная безопасность, таким образом, может быть обеспечена возможностью и стремлением влиятельных субъектов сохранять состояние государства как целостное и устойчивое, продуктивно ограждая его от многообразных внешних и внутренних негативных влияний.

В определённой степени близка к рассматриваемому явлению точка зрения учёных, акцентировавших своё внимание на категории «оборонная безопасность». Они интерпретируют последнюю в качестве системы мер по обеспечению безопасности государства к вооружённой защите от агрессии. Так, согласно Ю.Н. Дзюбичу, обороноспособность есть «совокупность политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных средств и мер по подготовке к вооружённой защите Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [7, с. 14]. Рассматриваемое понятие отражает такие угрозы, которые имеют адресный акцент, причём, в крайнем его проявлении – войне. Подобную функцию преимущественно реализует государство, а роль социума, личности определена воинской обязанностью и мобилизационным резервом. Тогда опасности во всех их формах, пребывающие в границах потенциальной возможности, не следует относить к области обороны. Поэтому оборонную безопасность необходимо интерпретировать в качестве части военной безопасности.

Кроме того, оборонная безопасность в своей процессуальности устанавливает ограничения применения вооружённых сил в виде боевых действий, тем самым умаяя значимость невоенных средств в достижении искомой цели. Становится понятным, что для неё присущи военные меры, которые способствуют отражению, локализации или ликвидации угроз. Обеспечение же военной безопасности предполагает *принятие мер по дистанцированию ценностей объекта от получения урона, в первую очередь, на основе мирных значений: политических, экономических, социальных, информационных и др., а военное вмешательство – вторично*. Это ещё один признак обобщаемого явления.

Теперь важно принять во внимание следующее: до сих пор, хотя и указав на имеющийся недостаток обстоятельных изысканий термина «военная безопасность» в научной литературе с социально-философской позиции, автор всё ещё сам не осуществил возмещение данной лакуны. Прежде, чем исправить досадный промах, представляется значимым объединить рассмотренные характеристики военной безопасности. Итак, в данной части статьи была выявлена некоторая совокупность признаков военной безопасности государства:

- *состояние репрезентативной практики социума в контексте его деятельности, мышления и поведения по интересующему вопросу;*
- *сбережение качественной специфики объекта в пределах его прочного существования, динамического развития и плодотворного функционирования;*
- *принятие мер по дистанцированию ценностей объекта от получения урона, в первую очередь, на основе мирных значений: политических, экономических, социальных, информационных и др., а военное вмешательство – вторично*. Указанный признак выступает заданной или причинённой целью.

Подобный взгляд даёт возможность конкретизировать так необходимое – в меру плотное – определение предмета исследования. Военная безопасность государства – *состояние репрезентативной практики социума, обеспечивающее сбережение качественной специфики объекта в пределах прочного существования, динамического развития и плодотворного проявления на причинённую цель – предотвращение урона его ценностям – преимущественно мирными значениями, а также обстоятельств, способствующих подобному*. Немалая толика предпочтения в формулировке отдана аксиологическому подходу, а обобщающие аргументы по этому поводу выглядят следующим образом.

Первый. Доминантные смыслы предмета анализа адекватно укореняются в познавательном алгоритме: ценностях – уроне – опасностях во всех её формах – собственно безопасности. *Второй.* Приоткрывается «завеса» над протяжённостью урона и субъектно-объектной возможностью быть ему подвергнутым. *Третий.* Понятийный аппарат аксиологического измерения постоянно «воспроизводится» в подавляющем большинстве видов национальной безопасности. *Четвёртый.* Намного существенней становится демонстрация степени ответственности полномочных носителей военной безопасности за их достижения и провалы в её обеспечении.

Очевидно, что субъективный фактор в данном случае раскрывает себя такими его свойствами, как профессионализм, сознательность и зрелость, решимость и воля, способность принимать самостоятельные решения и стремление совершать адекватные действия. При этом важно подчеркнуть, что уровень военной безопасности государства должен скрепляться состоянием её максимально неразвитого элемента. Если движение автоколонны устанавливается скоростью самого медлительного технического средства, а прочность цепи – крепостью наиболее уязвимого звена, то уровень военной безопасности государства равнозначен «энергии» её слабосильного полномочного субъекта.

Следует также заметить, что понижение уровня военной безопасности – вплоть до переломного – реализуется, как правило, в следующих формах. Первая укоренена с тем, что полноправный субъект исследуемого явления испытывает затруднения в фиксации действительной характеристики её объективных условий бытия и актуализации их в должной степени. В иной ситуации он же оказывается не в состоянии зарегистрировать свои реальные возможности, которые поспособствовали бы обеспечению военной безопасности. Однако и первому и второму событиям присуща одна и та же сущность – происходит утрата уровня или ухудшение качества предмета анализа, причиной чего выступает безответственность полномочного носителя военной безопасности. В одном случае препоной для последнего является его внутренняя предрасположенность к отжившему, в другом – нравственная беспринципность, подвигающая к достижению заданной цели любыми средствами.

Поскольку разговор проистекает не о бесхитростном сочетании элементов, но обязательно об их множестве, структурно скреплённого друг с другом, постольку дальнейшее исследование военной безопасности российского важно сопровождать регистрацией неукоснительных правил системного подхода. Указанное требует пояснения. Системный анализ военной безопасности подразумевает её постижение в единстве закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи элементов. Разумным основанием такой позиции выступает принцип всеобщей связи, что методологически верно, поскольку исследуемое явление необходимо считать целостным.

Понятие «целостность» выражает интегрированность, самодостаточность, автономность объектов, их противопоставленность окружению, связанную с внутренней активностью. Оно характеризует их качественное своеобразие, обусловленное присущими им специфическими закономерностями развития и функционирования. Совокупность приёмов и способов в рассмотрении предмета исследования в качестве целостной системы имеет важный методологический смысл, поскольку предоставляет условия для организации совокупной деятельности, поведения и идеологии государственных институтов по обеспечению военной безопасности.

В рассмотрении указанной научной проблемы выделяются, как минимум, три позиции: а) трактование её в качестве подсистемы национальной безопасности на основе принципов целостности, иерархичности, первичности системы по отношению к её элементам, обладающими вторичностью; б) осознание взаимовлияния видов национальной безопасности; в) толкование её внутреннего порядка и проявления элементов структурного среза.

Следовательно, важно проанализировать указанные позиции военной безопасности, памятуя о том, что она является одной из подсистем национальной безопасности, связанной с другими видами последней. Такая интерпретация предоставит возможность обозначить конкретное место военной безопасности в системе национальной. Для этого априори необходимо дать характеристику других видов безопасности: например, политической, экономической, социальной, информационной и т.д., после чего зафиксировать взаимосвязь между ними. Сведущие взгляды на любой из видов безопасности заметно отличаются.

Представляется логичным сначала исследовать *политическую безопасность*. И хотя данная категория в России формально пока ещё не актуализирована, всё же имеются её определения. Так, согласно В.А. Рукинову, под ней подразумевается «постоянная деятельность государства, направленная на формирование уровня безопасности, необходимого для производства и воспроизводства общества и человека» [18, с. 21]. Вряд ли подобное её восприятие в полной мере должно получить конвенциональное одобрение со стороны научного сообщества. При использовании социально-философского знания пробелы его политологического исследования оказываются существенными.

Специфика политической безопасности, в первую очередь, заключается в автономности выбора и реализации необходимого курса. Значимы возможность и стремление правящего режима наладить плодотворное бытие личности, общества и государства. Она поддерживается также сочетанием действий по выявлению, предупреждению и нейтрализации таких факторов, которые способствуют ущемлению национальных интересов, предопределению регрессивного развития государства, превращению власти в источник трагедий и катастроф. Иными словами, рассматриваемый вид национальной безопасности утверждается конструированием такой системы, в которой имеет место гармония интересов социума с антропоцентристской доминантой.

Следующим видом национальной безопасности выступает экономический потенциал государства, с помощью которого сохраняется его суверенитет, территориальная целостность, интересы за рубежом, физическое и духовное «здоровье» нации, качественное состояние обороноспособности. Уровень экономики государства, допускающий возможность плодотворно осуществлять подобные задачи, афишируется понятием *экономическая безопасность*. Важно заметить и то, что подобная экономика не должна обуславливаться только внешними детерминантами.

Не стоит забывать о научном заделе современных исследований, где представлены значимые определения рассматриваемого понятия. Так, М.Е. Листопад под экономической безопасностью понимает «способность национальной экономической системы к непрерывному расширенному воспроизводству, при котором обеспечивается её жизнеспособность и возможность сохранять признаки полноценного экономического субъекта в условиях изменяющейся среды» [13, с. 14]. Близкой по отношению к формулируемому понятию следует считать позицию А.А. Барта, сделавшего акцент на эффективное и комплексное использование имеющихся ресурсов и систему государственных мероприятий для достижения должного состояния национальной экономики [3, с. 9].

Экономическая безопасность, таким образом, фиксируется: а) уровнем материального производства, развития производительных сил и производственных отношений; б) плодотворностью функционирования экономической инфраструктуры; в) совокупностью полезных ископаемых; г) наличием квалифицированной рабочей силы и способом её подготовки; д) созданием технологической самостоятельности; е) характером интеграции в систему мирового хозяйства; ж) обретением дополнительных выгод и преимуществ в других сферах – социальной, политической, военной и т.д.

При наличии указанного равновесие, стабильность, целостность и динамизм государства, в качестве показателей его безопасности, становятся осязаемыми в результате проводимой социальной политики. Одним из её устремлений выступает *социальная безопасность*, интерпретацию которой можно обнаружить в ряде научных изысканий. По мысли С.Н. Алиева, под ней понимается «состояние сбалансированности всех (внутренних и внешних) сторон бытия общества и его важнейших элементов, формирующее возможности реализации интересов его текущего и будущего» [1, с. 8]. При этом социальную безопасность не следует воспринимать только в качестве защиты ныне существующих структур и отношений. Наоборот, её реализация подразумевает стимулирование и модернизацию неплодотворных применяемых средств и форм объединения людей.

С социально-философской позиции значимость указанного понятия повышается по причине увеличения многовариантности способов достижения причинённых целей. Не стоит отдавать предпочтение тем или иным вариантам прогнозирования развития государства без оценки их социальных последствий в виде показателей безопасности. Это может привести к постепенному ухудшению положения в одной из её сфер: например, продовольственной, транспортной, энергетической и др. Удручающим итогом упадка последних может оказаться и оказывается низкое качество обеспечения военной безопасности.

Представляется, что социальная безопасность напрямую фиксирует состояние человека, людей в качестве высшей ценности государства. В свою очередь, наличие социальных гарантий, по А.В. Рахлееву, подразумевает эффективность самой социальной безопасности [17, с. 12]. Следовательно, её ключевой объект – личность. При этом важно заметить: социальная безопасность личности станет реализовываться только в обстановке функционирования развивающегося правового государства.

Устойчивое развитие любого государства непосредственно зависит от *информационной безопасности*, и это связано с тем, что в эпоху глобализации она выступает системообразующим детерминантом подобного развития. Согласно Г.В. Прончеву, под информационной безопасностью следует понимать такое «состояние, когда нет информационных опасностей во всех её формах, либо, при их существовании, поддерживается положение устойчивости основных сторон жизнедеятельности социума относительно психологического влияния извне» [16, с. 231-232]. Как представляется, этого недостаточно. Рассматриваемый вид безопасности в обязательном порядке должен предполагать способность и желание политической организации общества предоставлять необходимые и защищённые информационные услуги, осуществлять противодействие негативным воздействиям на сознание людей.

В свою очередь, все интерпретированные виды безопасности оказываются системами относительно включённых в них элементов. Наряду с обобщённым образом элементного среза национальной безопасности, существует и другой – структурный. Это подвигает к выявлению следующего: для чего составные части создают именно заданный целевой набор, а не «бесхитростную совокупность»?

Указанное подвигает обратиться к исследованиям А.А. Кокорина и Р. Барта, которые признают под структурой неизменные отношения в динамике всевозможных – многоуровневых – систем. Так, А.А. Кокорин определил понятие «структура» как «инвариантный (относительно устойчивый) механизм всесвязанности элементов и частей явлений, формирующий их целостность» [10, с. 225]. Согласно Р. Барту: «Целью структурализма является воссоздание “объекта” таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила его функционирования» [4, с. 255]. В границах первого уровня подразумевается простор для разнообразия предметно определённых элементов, а в пределах второго – существует некое беспристрастное ядро. Именно оно «проявляет заботу» о

константном функционировании системы, устанавливая для этого необходимый порядок, вопреки тому, что элементная «смесь» подвержена изменениям по качеству и количеству зависимости от тех или иных обстоятельств.

Следовательно, в структуре национальной безопасности едва ли не самая замысловатая проблема, требующая своего прояснения – это соотношение её элементов с присущей им динамической связью. В общей системе последние далеко не равнозначны, поскольку их место в разное время актуализируется значимостью как внешних, так и внутренних обстоятельств, скреплённых с той или иной опасностью во всех её формах. В такой ситуации важно рассмотреть влияние подсистем национальной безопасности на предмет исследования.

Существенным детерминантом в формировании национальной безопасности является такой её вид как политическая безопасность. Она проникает во все сферы жизнедеятельности людей, ускоряет или не замедляет – недопустимо, когда отрицает – переход потенциала нации от сущего к должному. Правомерно утверждать, что влияние одной *системы – политической безопасности* на другую – *военную безопасность* ограничено рядом значимых условий:

- мерой воздействия политики на сбережение благополучия нации, сохранение динамики развития её социо- культурного и экономического пространств, налаживание отношений на международной арене;
- исключительным правом государства на законное принуждение и требованием от граждан безусловной совместной деятельности в случае агрессии со стороны «недружественных соседей»;
- стремлением к удержанию власти, сопровождающимся постоянным воспроизводством войн и вооружённых конфликтов;
- уровнем продуктивности политической системы, способствующим увеличению или уменьшению опасностей;
- значением государства в процессах отстаивания интересов социума по вопросам обеспечения военной безопасности;
- спецификой выбора политическим режимом средств, способов взаимодействия и форм реализации власти, устанавливающих механизм решения военных проблем.

Итак, «появление» политической безопасности государства с такими ограничениями «открывает» подобную возможность и относительно военной безопасности, что с необходимостью приведёт к установлению одного из уровней последней.

Регистрация взаимосвязи систем *экономической* и *военной безопасности* также позволяет выделить сочетание некоторых позиций. Среди них наиболее важные следующие:

- существенное по масштабу и времени пребывание экономики в переломных пороговых значениях может иметь не только негативный, но и необратимый результат в механизме обеспечения военной безопасности государства;
- состояние оборонно-промышленного комплекса во многом устанавливает количество и качество ВВТ, формирует системы технического и тылового обеспечения институтов военной сферы;
- поддержание мобилизационных резервов государства в должном состоянии возможно при наличии плодотворно функционирующей экономики – в их отсутствии все умозаключения о военной безопасности не имеют смысла;

- несообразность производственных отношений потребностям производства неминуемо вызывает нарушения в социальной структуре государства, что способствуют возникновению негативных метаморфоз в сознании социума, перенесение которых в сферу политики образует урон военной безопасности.

Следовательно, при наличии достаточного уровня экономики появляется материальная, а опосредованно – и социальная, основы военной безопасности.

Социальной безопасности также присуща взаимосвязь с другими подсистемами национальной безопасности, а её прямое влияние на *военную* укореняется совокупностью значимых детерминантов:

- сплочение нации, её общественное единomyслие и нравственная «крепость» выступают существенными показателями обеспечения военной безопасности;
- безразличие и безучастность граждан значительно умеряет стратегическую направленность военной безопасности государства, которая в этом случае оказывается ведомственной «заботой», не являющейся привлекательной для большинства социума;
- «урезанный пакет» гарантий военнослужащих и лиц гражданского персонала силовых организаций, снижение качественного состояния призывников и мобилизационного резерва подрывает престиж службы в армии и закрепление приемлемого уровня военной безопасности;
- сущее социальное состояние отдельной личности и социума в целом обуславливает мотивацию службы в рядах Вооружённых Сил тех, кто на самом деле принимает участие в реализации интересующего вопроса.

Поэтому укрепление социальной стабильности нации выступает важным фактором достижения плодотворности мер, принимаемых политической организацией общества в решении проблем военной безопасности.

В эпоху глобализации информационная составляющая становится символом первостепенной важности для военной безопасности. Следует добавить, что её воздействие на последнюю подтверждается оригинальным набором обстоятельств:

- уяснением и применением государством технологий информационного воздействия в условиях войн и вооружённых конфликтов;
- совершенствованием автоматизированных систем управления, ресурсов связи, разведки и радиоэлектронной борьбы, являющихся существенными компонентами информационного контекста военной безопасности;
- способностью и стремлением к информатизации средств вооружённого противоборства, выражающегося в создании многофункциональных комплексов для ведения боевых действий;
- использованием дезинформации в целях распространения страха и паники в сознании военнослужащих, маскировки истинных намерений и введения в заблуждение военно-политического руководства противоположной стороны;
- возможностью проникновения в информационный ресурс, представляющий собой государственную тайну.

Становится очевидным, что высокие уровни подлинности и пригодности информации влекут за собой создание обоснованных механизмов разработки и принятия решений по вопросам обеспечения военной безопасности.

В пределах промежуточного вывода необходимо подчеркнуть, что военная безопасность утверждается не только уровнями развития и плодотворностью функционирования других видов национальной безопасности, но и аккумуляцией в себе объединяющего начала. Кроме того, опасности, угрозы, вызовы и риски в области военной безопасности – это следствие политических, экономических, социальных, информационных и иных ошибочных решений. По этой причине она, в допустимых пределах, выступает производной от рассмотренных видов национальной безопасности. Вместе с тем предмет исследования обнаруживает своё влияние на все интерпретированные подсистемы безопасности по показателю области их применения. Указанное важно аргументировать.

С одной стороны, внушающие доверие обстоятельства для претворения в жизнь интересов государства предусматриваются гарантиями обеспечения безопасности социума в области обороны, прогнозированием и недопущением возможных вооружённых конфликтов. С другой – военная безопасность, в ряде случаев, вступает в противоречие с иными видами национальной безопасности. Подобное обнаруживается тогда, когда она начинает играть роль доминанты. Ведь поглощение ею чрезмерно выделенных адресных ресурсов провоцирует существенное ущемление априори рассмотренных подсистем национальной безопасности. В такой ситуации удручающее влияние последних на военную безопасность может привести к установлению одного из её неприглядных уровней: притворного или переломного.

Таким образом, зафиксированные признаки военной безопасности предоставляют возможность конкретизировать так необходимую – в меру плотную – её формулировку. *Военная безопасность государства – состояние репрезентативной практики социума, обеспечивающее сбережение качественной специфики объекта в пределах прочного существования, динамического развития и плодотворного проявления на причинённую цель – предотвращение урона его ценностям – преимущественно мирными значениями, а также обстоятельств, способствующих подобному.*

Сущность данного феномена заключается в способности и согласии её влиятельных агентов применить разработанную ими репрезентативную практику для сохранения устойчивого бытия, непрерывного движения и эффективного проявления объекта, но не его защищённости. Основной закон военной безопасности: соответствие заданной цели, применяемых средств, способов взаимодействия и форм объединения её субъективных движущих сил обстоятельствам прочного существования, динамического развития и плодотворного проявления объекта регулирования.

Военной безопасности имманентны закономерности: а) доминирование обстоятельств бытия объекта относительно средств, применяемых субъектами военной безопасности; б) способность и согласие носителей военной безопасности к изменению условий существования, развития и функционирования объекта; в) приоритет необходимости обеспечения военной безопасности над причинёнными целями, отвечающими ей; г) совпадение репрезентативной практики «агентов» военной безопасности, актуализированной для достижения результата, с провозглашёнными целями; д) постановка цели, которая бы не оправдывала любые средства, способы взаимодействия и формы объединения субъектов военной безопасности, используемые ими для её скрепления.

Афишированные закономерности позволяют обнаружить сущностной источник эволюции, развития и функционирования военной безопасности – противоречие. В первом приближении в качестве основного положения, при котором одно исключает другое, несовместимое с ним, следует назвать противоречие между имеющимися объективными обстоятельствами бытия, развития и проявления военной безопасности и состоянием её субъективных движущих сил. Его полновесная формулировка должна включить в себя также нравственную учтимость влиятельного носителя предмета анализа. Исходная точка зрения

заключается в том, что агент военной безопасности всем своим существом – свободен. Это даёт ему возможность демонстрировать энергию и созидать ценности, порой, преступая границы укоренённых правил поведения, в то время как нравственная порядочность становится значительным пределом его автономности.

Виды национальной безопасности по критерию области отражения пребывают в непрерывной – прямой или опосредованной – взаимосвязи и оказывают влияние на предмет исследования. Усилить / ослабить сверх ожидания, а тем более исключить любой из их имеющейся совокупности – стало быть, подвергнуть рассогласованию целостность системы. Обобщённый образ военной безопасности подразумевает объединительную направленность, а вот её значение в «общем строю» – изменчиво. Оно устанавливается количеством и качеством как внешних, так и внутренних опасностей во всех их формах для политической организации страны, а также степенью плодотворности других – сферных – составляющих национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев С.Н. Синергетическая парадигма и теория социальной безопасности. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2007. 20 с.
2. Антюшин С.С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (социально-философская концепция). М.: ВУ, 2004. 140 с.
3. Барт А.А. Обеспечение экономической безопасности России в условиях формирования инновационной экономики. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Ульяновск, 2012. 20 с.
4. Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с франц. / Составление, общ. ред., вступит. статья Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Бовдунов А. Стратегическое мышление как Российская альтернатива для Восточной Европы. URL: www.geopolitica.ru/node/974#Ukm720XmxEG (обращение 30.09.2014).
6. Волошко В.С., Лутовинов В.И. Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации. / Под общ. ред. А.С. Рукшина. М.: Воениздат, 2007. 400 с.
7. Дзюбич Ю.Н. Региональная политика Российской Федерации и её влияние на обороноспособность страны. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009. 20 с.
8. Жинкина И.Ю. Стратегическое мышление США // США – Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 3. С. 72-81.
9. Зорина Ю.В. Репрезентация терминофрейма “safety” в английском языке // Армия и общество. 2013. № 1(33). С. 66-71.
10. Кокорин А.А. Философский алгоритм познания: содержание и практические возможности. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 324 с.
11. Краткий словарь военно-стратегических терминов (разработан в Военной академии ГШ ВС РФ и размещён в Интернете 23 августа 2012 г.). URL: http://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml (обращение 3.09.2013).
12. Кучерявый М.М. Военная безопасность России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 186 с.

13. Листопад М.Е. Экономическая безопасность России: концептуальные основы функционирования и развития. Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук. СПб., 2012. 49 с.
14. Макаренко Д.И., Хрусталёв Е.Ю. Концептуальное моделирование военной безопасности государства. М.: Наука, 2008. 303 с.
15. Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура и национальная безопасность. URL: www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/vestniksf293-5/vestniksf293-5020.htm (обращение 20.01.2015).
16. Прончев Г.В., Монахов Д.Н., Лонцов В.В. Безопасность виртуальных безопасных сред в информационном обществе // Пространство и время. 2013. № 4(14). С. 231-236.
17. Рахлеев А.В. Обеспечение социальной безопасности российского общества на современном этапе модернизации. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.
18. Рукинов В.А. Социализация безопасности и политической безопасности в современной России. Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. СПб., 2010. 48 с.
19. Рыхтик М.И. Безопасность Соединённых Штатов Америки: история, теория и политическая практика. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2004. 180 с.
20. Фатеев К.В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2012. 40 с.
21. Чебан Вал.В. Геополитическое положение и военная безопасность России. М.: Отечество и воин. 1997. 183 с.
22. Чугунов В.М. Философия войны. Монино: ВУНЦ ВВС, 2010. 278 с.
23. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
24. Brzezinski Zbigniew. America and World: Conversations on the future of American Foreign Policy / Zbigniew Brzezinski, Brent Scowcroft, David Ignatius. N.Y.: «Basic Books», 2008. 291 с.

Vershilov Sergey Anatolievich

Branch of the Military educational-scientific center
of Military-air forces "Military-air academy" (t. Krasnodar), Russia
E-mail: vershil@mail.ru

Essence and importance of military safety in existence of state through in the light of social and philosophical analysis

Abstract. The ongoing series of wars and the armed conflicts increase the importance of researches of military safety. However in the scientific literature for the present there is no conventional approach to the problem declared in article. In this connection the specification of the concept "military safety", identification of its essence and showing values, become actual in being of the state on the basis of the social-philosophical analysis. The author supposes that his attempt in interpretation indicated will help to open slightly a "veil" on so exciting question. Material of article expands knowledge about methodological context of military safety as the social phenomenon.

Keywords: danger; essence; military conflict; military safety; national safety; subject; social and philosophical analysis; status; threat; war.

REFERENCES

1. Aliev S.N. Sinergeticheskaya paradigma i teoriya sotsial'noy bezopasnosti. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 2007. 20 s.
2. Antyushin S.S. Voennaya bezopasnost' kak faktor stabil'nosti rossiyskogo obshchestva (sotsial'no-filosofskaya kontseptsiya). M.: VU, 2004. 140 s.
3. Bart A.A. Obespechenie ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh formirovaniya innovatsionnoy ekonomiki. Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk. Ul'yanovsk, 2012. 20 s.
4. Bart R. Strukturalizm kak deyatel'nost' // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Per. s frants. / Sostavlenie, obshch. red., vstupit. stat'ya G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 s.
5. Bovdunov A. Strategicheskoe myshlenie kak Rossiyskaya al'ternativa dlya Vostochnoy Evropy. URL: www.geopolitica.ru/node/974#Ukm720XmxEg (obrashchenie 30.09.2014).
6. Voloshko V.S., Lutovinov V.I. Voennaya politika i voennaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh globalizatsii. / Pod obshch. red. A.S. Rukshina. M.: Voenizdat, 2007. 400 s.
7. Dzyubich Yu.N. Regional'naya politika Rossiyskoy Federatsii i ee vliyanie na oboronosposobnost' strany. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. M., 2009. 20 s.
8. Zhinkina I.Yu. Strategicheskoe myshlenie SShA // SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2002. № 3. S. 72-81.
9. Zorina Yu.V. Rerezentatsiya terminofreyma “safety” v angliyskom yazyke // Armiya i obshchestvo. 2013. № 1(33). S. 66-71.
10. Kokorin A.A. Filosofskiy algoritm poznaniya: sodержanie i prakticheskie vozmozhnosti. Monografiya. M.: Izd-vo MGOU, 2013. 324 s.
11. Kratkiy slovar' voenno-strategicheskikh terminov (razrabotan v Voennomy akademii GSh VS RF i razmeshchen v Internetе 23 avgusta 2012 g.). URL: [htt://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml](http://artofwar.ru/r/romanov_n_a/text_0250.shtml) (obrashchenie 3.09.2013).
12. Kucheryavyy M.M. Voennaya bezopasnost' Rossii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2010. 186 s.
13. Listopad M.E. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: kontseptual'nye osnovy funktsionirovaniya i razvitiya. Avtoref. diss. ... d-ra ekon. nauk. SPb., 2012. 49 s.
14. Makarenko D.I., Khrustalev E.Yu. Kontseptual'noe modelirovanie voennoy bezopasnosti gosudarstva. M.: Nauka, 2008. 303 s.
15. Ozhiganov E.N. Strategicheskaya kul'tura i natsional'naya bezopasnost'. URL: www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/vestniksf293-5/vestniksf293-5020.htm (obrashchenie 20.01.2015).
16. Pronchev G.V., Monakhov D.N., Lontsov V.V. Bezopasnost' virtual'nykh bezopasnykh sred v informatsionnom obshchestve // Prostranstvo i vremya. 2013. № 4(14). S. 231-236.
17. Rakhleev A.V. Obespechenie sotsial'noy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva na sovremennom etape modernizatsii. Avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk. Volgograd, 2008. 19 s.

18. Rukinov V.A. Sotsializatsiya bezopasnosti i politicheskoy bezopasnosti v sovremennoy Rossii. Avtoref. diss. ... dokt. polit. nauk. SPb., 2010. 48 s.
19. Rykhtik M.I. Bezopasnost' Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriya, teoriya i politicheskaya praktika. Nizhniy Novgorod: Nizhegor. gos. un-t, 2004. 180 s.
20. Fateev K.V. Obespechenie voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya. Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk. M., 2012. 40 s.
21. Cheban Val.V. Geopoliticheskoe polozhenie i voennaya bezopasnost' Rossii. M.: Otechestvo i voyn. 1997. 183 s.
22. Chugunov V.M. Filosofiya voyny. Monino: VUNTs VVS, 2010. 278 s.
23. Shelling T. Strategiya konflikta. M.: IRISEN, 2007. 366 s.
24. Brzezinski Zbigniev. America and World: Conversations on the future of American Foreign Policy / Zbigniev Brzezinski, Brent Scowcroft, David Ignatius. N.Y.: «Basic Books», 2008. 291 s.